

УДК165.9 (045)

DOI: 10.35103/SMSU.2022.73.21.007

МИФ И НАУКА КАК КОГНИТИВНЫЕ СИСТЕМЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ильянович Екатерина Борисовна

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского
(г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

Аннотация

Проблема соотношения научных и вненаучных познавательных форм становится одной из актуальных тем современного философского дискурса, который вступил в эру постнеклассических методологических трендов. В этом смысле вопрос о том, как соотносится миф и наука как фундаментальные гносеологические инструменты по постижению реальности, приобретает особую остроту. Принятое в классической парадигме рациональности противопоставление мифа науке как иррационального рациональному в рамках постнеклассической методологии получает активное переосмысление. Сегодня не только наука, но и миф рассматриваются множеством мыслителей – философов и учёных – в качестве взаимосвязанных элементов человеческого познания и мышления. Таким образом, как миф, так и наука могут рассматриваться как когнитивные системы со своей структурой, логикой и содержанием. Более того, нам представляется, что миф не уходит из науки, а выступает её фундаментом. Конкретнее – миф и наука взаимосвязаны на уровне оснований познания и мышления.

Ключевые слова: миф, наука, познание, мышление

MYTH AND SCIENCE AS COGNITIVE SYSTEMS: MODERN RELATIONS

Pyanovich Ekaterina Borisovna

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Republic of Crimea, Russia)

Abstract

The problem of the relation of scientific and non-scientific cognitive forms is becoming one of the actual topics of modern philosophical discourse, which has entered the era of post-non-classical methodological trends. In this sense, the question of how myth and science are related as fundamental epistemological tools for comprehending reality becomes especially acute. Adopted in the classical paradigm of rationality, the opposition of myth to science as irrational to rational within the framework of post-non-classical methodology is being actively rethought. Today, not only science, but also myth by many thinkers – philosophers and scientists – as interrelated elements of human cognition and thinking is considered. Thus, both myth and science can be viewed as cognitive systems with their own structure, logic and content. Moreover, it seems to us that the myth does not leave science, but acts as its foundation. More specifically, myth and science are interconnected at the level of the foundations of knowledge and thinking.

Keywords: myth, science, cognition, thinking

Введение

Интерес философов к мифу как универсальной мировоззренческой структуре, лежащей в основе бытия, восходит к античной философии. На языке

мифа «говорили» Парменид и Платон, Эмпедокл и Эвгемер, а Аристотель даже задавался вопросом о его истоках и причинах. Средневековье, казалось, отвергло миф, считая вымыслом (А. Александрийский), но в определённом смысле «переписало», «доработало» структуру мифа более сложной и утончённой образной системой религиозных смыслов.

В эпоху Возрождения, на фоне всеобщего возвращения к античной культуре и её идеалам, снова появляется внимание к мифу, который становится объектом социально-исторического, а также гносеологического изучения (Дж. Вико). Новое время, философия которого была ориентирована на обоснование научного знания, значительного интереса к мифу не проявляла, пребывая в концептуальных рамках противопоставления мифа логосу. В эпоху Просвещения господствовала довольно узкая аллегорическая трактовка мифа, который давно утратил, по словам Ж. Руссо, свою «эффектность» для философов, а в соответствии со взглядами других популярных просветителей и того более – стал продуктом лжи и невежества. XIX век заново «открывает» миф, не отказывая ему в онтологическом измерении. Значительный вклад в этом отношении принадлежит немецким романтикам, в особенности – Ф. Шлегелю и Ф. Шеллингу. Фридрих Шеллинг рассматривал миф как символическую форму человеческого бытия, которая интегрирует все его аспекты, утверждал, что миф порождается коллективным человеческим сознанием. Этот взгляд дал мощнейший импульс дальнейшим мифологическим исследованиям, которые ведутся теперь уже в различных областях социально-гуманитарного знания (истории и этнографии, культурологии и культурной антропологии, лингвистике и филологии, философии и социологии), и по сей день.

На протяжении нескольких последних десятилетий в среде философов, а также представителей других сфер социально-гуманитарного знания, сформировался особый интерес к проблеме мифа в его соотношении с наукой. Причина такого интереса, вероятно, восходит к особенностям современного этапа социогенеза, напрямую связанного с развитием науки и технологий, с одной стороны, и тенденцией нарастания массовости общества, вовлечением человечества в глобальные процессы, в рамках которых одним из механизмов социального контроля выступает мифологизация массового сознания.

Что касается внутренних причин, т.е. причин, связанных со спецификой и динамикой самого научного и философского знания, то современный постнеклассический тип рациональности открывает новые познавательные горизонты для исследования, казалось бы, уже изученных феноменов, но в новом качестве – усложняющихся и порождающих новые, сложно прогнозируемые виды связей, открывающих невиданные ранее глубины и основания хорошо известных науке и философии объектов, явлений и процессов.

Широко известное длительное время, господствовавшее в философии, противопоставление мифа логосу как иррационального рациональному в условиях современной постнеклассической парадигмы философского и научного знания, подвергается критическому переосмыслению.

Литературный обзор

Проблема соотношения мифа и науки как познавательных практик поднималась в исследованиях представителей различных сфер социально-гуманитарного знания: Н.С. Автономовой, В.И. Астафурова, М.Д. Ахундова, А.Г. Ваганова, Е.Г. Веденовой, О.А. Габриеляна, Г.Д. Гачева, Т.С. Голиченко, С.С. Гусева, А.Ф. Лосева, Э.А. Кассирера, Л.П. Киященко, Г.И. Рузавина, В.

Депперта, Т.В. Добровольской, А.Н. Елсукова, И.Т. Касавина, Ф.Х. Кессиди, И. Лакатоса, К. Леви-Строса, А.Е. Левина, А.М. Лобока, Б.К. Малиновского, С.В. Масловой, А. А. Мейера, Е.М. Мелетинского, А.П. Назаретяна, Ю.С. Осаченко, М.К. Петрова, К.Р. Поппера, М.А. Пятигорского, Б. Рассела, А.В. Ставицкого, И.Э. Сулейменова, С.М. Телегина, Д.А. Троицкого, В.Н. Тростникова, П.Б. Тычкина, А. Турсунова, П.А. Флоренского, К. Хюбнера, В.С. Черняк и других.

Большинство исследований можно разделить на традиционные, или сциентистские, противопоставляющие миф и науку как иррациональное рациональному, и современные, утверждающие, что миф и наука взаимосвязаны, и воплощают различные варианты рациональности. По утверждению современных методологов, миф и наука относятся к разным сферам сознания: наука – к познавательной, миф – к ценностной, но с нашей точки зрения эти сферы объединяются в универсальной фундаментальной мировоззренческой сфере, в связи с чем мы говорим о сопоставимости мифа и науки как когнитивных систем, об их глубинной взаимосвязи и дополнительности.

Результаты и обсуждение

Сегодня соотношение мифа и науки уже не рассматривается в качестве известного противопоставления, а трактуется как сложное взаимодействие когнитивных систем. Такой подход подчёркивает значимость мифологического постижения мира, которому ранее отказывали в объективности, истинности, рациональности – в целом. В философии и методологии науки последнего столетия произошла революция: были пересмотрены базовые принципы классической науки, появилась новая трактовка природы научного знания, связанная с поворотом научного познания от абсолютной истины к относительной, от единой – к множественности истин, от эталона рациональности – к разным её типам (классическая, неклассическая, постнеклассическая) и идеалам (математический, естественнонаучный, гуманитарный).

С момента зарождения науки в недрах новоевропейской культуры, произошли значительные трансформации в самих основаниях научного знания: изменились не только объекты (простая система – сложная саморегулирующаяся система – сложная саморазвивающаяся система), методы и принципы их исследования (эмпирическое обобщение – гипотетико-дедуктивный метод – междисциплинарные методы, интервальный подход), но и идеалы и нормы науки (абсолютная истина – относительная истина – множественность истин), научная картина мира (механическая – квантовая, кибернетическая – синергетическая) философско-мировоззренческие представления и принципы (эпистемологический онтологизм – методологизм – пробабиллизм, антропологизм, аксиологизм).

В целом, можно утверждать, что в развитии современной науки проявились такие тенденции, как релятивизм, плюрализм, когнитивизм [9, с. 133–136], многомерность. Ещё в прошлом столетии философы переосмыслили статус науки как эталона рациональности (и назвали это кризисом научного разума), а сегодня одной из популярных философских проблем является взаимосвязь науки и мифа. Концептуально эта проблема исходит из гипотезы, согласно которой мифологические структуры (образы, архетипы) укоренены не только в сознании человека, но и в научном знании, на уровне его оснований, но мы пока не можем их отрефлексировать, так как привыкли «отбрасывать», считая иррациональными, субъективными, принципиально не-истинными.

Сознание принципиально мифологично, а миф как одна из форм общественного сознания не отменяется наукой и философией, а является фундаментальной основой, важнейшей составляющей научной теории и науки в целом [14, с. 551].

Отличительной особенностью современного научного знания является тенденция к построению целостной картины мира. Постнеклассическая рациональность задаёт новый эпистемологический горизонт как для естественнонаучного, так и для социально-гуманитарного знания. В рамках этого горизонта порождаются комплексные проблемные поля – «человекоразмерные» и иные системы, которые ориентированы на отражение единства и целостности мира (системный подход, глобальный эволюционизм, принцип дополнительности Н. Бора, интегральный подход К. Уилбера, холизм и «философия целостности» Я. Смэтса), в том числе и такие, где человек имеет особое место (димензиональная онтология В. Франкла, интегративная антропология Д. Кампера, метаантропология и интегральная антропология М. Шелера, Х. Пленера), он уже «включён» в этот мир, а любая теоретическая модель с неизбежностью содержит антропологические составляющие, более того, зачастую, они её конституируют методологически и концептуально (антропный принцип С. Хокинга, интервальная антропология Ф.В. Лазарева).

Сегодня, в условиях динамичного научно-технологического развития, важнейшим аспектом которого стало создание единой глобальной информационной системы «Интернет», а одним из перспективных трендов – конструирование «систем обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта», а также вследствие глобализации, во всех сферах социума усиливаются процессы взаимосвязи и взаимозависимости, общество технологизируется и цифровизируется. Всё это оказывает существенное влияние на человеческое познание и мышление. Современный человек познаёт, мыслит реальность, точнее, её единство и связность, как эмпирическую данность, которую он наблюдает практически повсеместно, а выработка целостной научной картины мира обеспечивается сегодня междисциплинарными научными знаниями. Целостное, а значит, полноценное описание сложноорганизованного, иерархизированного, многомерного мира, каким он дан в познавательном опыте современного научного знания, с позиций внешнего, «абсолютного» наблюдателя, и на «его языке», в рамках дисциплинарно организованной науки, отражающей классический тип рациональности, уже не представляется возможным. Объект современной науки – это не вещь, не объект как простая система, даже не саморегулирующаяся система, а сложноорганизованная, самоорганизующаяся иерархия открытых систем, сеть сложных взаимосвязей, в которую включён человек. Такова специфика объекта современной науки как когнитивной системы. Последняя представляет собой сложную, открытую и динамичную сеть, основными сегментами которой выступают: 1) система знаний о природе, обществе, мышлении и познании; 2) специфическая, высокоспециализированная деятельность по их производству; 3) развитый социальный институт – сообщество занятых ею людей.

Постнеклассическая парадигма задала особую когнитивную установку учёным – исследовать процессы становления, развития и самоорганизации явлений. Данная установка предполагает анализ объектов в их исторической динамике, вскрытие и изучение системных, синергетических, и сетевых эффектов

их взаимодействия и сосуществования. Важнейшей задачей современного учёного становится теоретическая реконструкция изучаемого явления в наиболее общем формате его взаимосвязей и опосредований с целью воссоздания его единого, целостного и системного, образа на языке научных абстракций. В случае с современной философией, которая претендует на то, чтобы ответить на множественные вызовы времени, дело обстоит примерно так же, только конструируемый ею образ мира должен иметь «человекообразные» (мировоззренческие, аксиологические, этические, праксиологические, шире – антропологические) характеристики.

Итак, сегодня учёные пытаются создать целостную картину мира. А как обстояли дела в далёком прошлом, когда науки вовсе не было, а человек постигал мир при помощи доступного ему «познавательного» инструмента – мифа? Не пытался ли он сделать то же самое, опираясь на имеющиеся у него когнитивные средства и возможности? Иными словами, каково соотношение мифа и науки как когнитивных систем?

Для начала, следует отметить, что миф и наука в известном смысле отражают присущие человеку способы постижения мира – духовно-практический, теоретический и практический. Миф, по словам А.Ф. Лосева, представляет собой одну из форм понимания самого сознания, его рациональных и иррациональных основ, бессознательных глубин. Он «содержит в себе строжайшую и определеннейшую структуру и есть логически, т.е. прежде всего диалектически необходимая категория сознания и бытия вообще» [12]. Итак, мифу нельзя отказывать в логике, а значит – и в рациональности.

Миф как когнитивная система может быть охарактеризован как форма мышления и познания, представляющая собой базовую гносеологическую модель, которая легла в основу человеческого мышления как такового, в том числе – научного.

К. Леви-Строс утверждает, что мифологическое мышление для архаичного человека не менее логично, чем рационалистическое сознание для современного человека. Оно представляет собой акт познания многообразных мировых связей в систематическом виде. В работе «Структурная антропология» исследователь характеризует мифологическое мышление первичным, донаучным этапом моделирования мира со своей внутрисистемной логикой, называя его «бриколажем»: «...существует одна форма деятельности, позволяющая достаточно хорошо воспринять в техническом плане то, что в умозрительном плане могло быть наукой, которую мы предпочитаем называть «первичной», а не примитивной. Такую деятельность обычно обозначают словом бриколаж (bricolage)... В наши дни бриколер — это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства в отличие от средств, используемых специалистом. Однако суть мифологического мышления состоит в том, чтобы выражать себя с помощью репертуара причудливого по составу, обширного, но все же ограниченного; как-никак, приходится этим обходиться, какова бы ни была взятая на себя задача, ибо ничего другого нет под руками. Таким образом, мышление оказывается чем-то вроде интеллектуального брико-лажа (что объясняет отношения, наблюдаемые между ними). Таким же образом элементы мифологической рефлексии всегда расположены на полпути между перцептами и концептами. Первые невозможно отделить от той конкретной ситуации, в которой они появились, в то время как

обращение ко вторым потребовало бы, чтобы мышление могло, хотя бы на время, заключить в скобки свои проекты...» [10, с. 126].

Самое время задать один из важнейших философских вопросов – как возможно мышление? Благодаря логике – ответит классический философ. Благодаря языку – ответит Э. Кассирер. Благодаря мифу – может ответить современный учёный и философ. Согласно общеизвестному сциентистскому определению, мышление как высшая познавательная деятельность представляет собой процесс отражения в сознании человека сложных взаимосвязей и отношений между предметами и явлениями окружающего мира. Оно связано с оперированием абстракциями, посредством которых происходит теоретическое обобщение опыта. Связано – не значит определяет. Само оперирование обобщёнными понятиями формировалось у человека в процессе развития самого мышления, которое происходило в результате накопления различных форм социокультурного опыта (в том числе – символического – Э. Кассирер). Одной из таких первичных форм и был миф, ведь именно в мифе была построена первая картина мира в систематически-целостном виде, в этом смысле миф – объективация ранней мировоззренческой модели мира. В мифе происходила трансформация образного, символического мироощущения как субъективного состояния, в мировосприятие, которое отражалось в языке наглядных представлений, придававшего ему внешнюю форму существования. Наблюдая за миром, «люди мифа» устанавливали устойчивые взаимосвязи между природными и общественными явлениями, воплощая их в синкретическом мышлении, где были слиты в единый символический опыт познание и восприятие, попытки объяснения мира с его «чувствованием», сам мир и его образ. Мифологическое сознание сводит чувственное многообразие мира к единству, но не выходит за сферу чувственного. Для мифологического сознания наглядный образ мира определял бытие в целостности, оно систематизировало многообразие мира как органическое единство целого, и тем самым демонстрировало эвристику закономерностей и единства, только по своим правилам (согласно своей логике – Я.Э. Голосовкер).

Связь науки и мифа можно увидеть в следующем. Как пишет С.С. Гусев, признаком формирования научного познавательного мышления является моделирование реальности, которое представляло собой результат разделения самой действительности и представлений о ней [5, с. 54]. По мнению Н.А. Мишанкиной, первые попытки осмыслить мир как иерархическую систему классов объектов и осознание возможности выйти за границы этих классов, сформировали логику мифа и тем самым дали толчок дальнейшему развитию человеческой культуры и цивилизации [13, с. 41]. Таким образом, миф был первичным этапом в процессе познания мира, и именно он стал фундаментом научного познания.

Как познавать мир? На эти философские, по своей сути, вопросы, по-своему отвечает каждая эпоха мысли. И каждая эпоха, в этом смысле, вырабатывает определённые когнитивные ценности, в которых воплощаются господствующие представления о стандартах, целях и результатах познания. Для древнегреческого философа, к примеру, познать – означало выстроить теорию, которая имеет мало общего с современными научными теориями. Средневековая философия проблему познания перевела в сферу божественного откровения, либо отрицала как таковое вовсе. Начиная с эпохи Нового времени, в европейской мыслительной культуре на первый план вышли когнитивные ценности науки, которые представлены в идеалах и нормах научного исследования. Но сегодня набирает обороты новая тенденция,

отвергающая сциентизм в познании. К её представителям можно отнести когнитивных лингвистов, культурологов, философов. К примеру, Георгий Гачев в своих знаменитых Лекциях о национальных образах мира в вопросе о его личном методе мышления утверждал, что он опирается на миф: «Я, в общем, считаю себя платоником, досократиком, я мифологизирую. Я примыкаю к этой традиции «экзистенциально-художественное философствование». Образ для меня не менее авторитетен, чем понятие, поэтому мой язык полон неологизмов. Например, я бросаю слово «лжизнь» – как вам такой неологизм? Неплохой, над ним стоит задуматься. Конечно, я не философ в законе, я философ вне закона. Я даже не философ, я мыслитель, вольный мыслитель» [4]. С точки зрения когнитивного лингвиста Джорджа Лакоффа, мышление воплощено, образно, гештальтно и экологично, оно целостно в единстве выводных и аналоговых способов осуществления.

Ставя миф на один уровень с языком, искусством, научным познанием, трактуя их в качестве символических форм культуры, Кассирер утверждал, что «они служат своеобразными средствами, создаваемыми человеком для себя, чтобы с их помощью отделиться от мира и одновременно, именно благодаря этому отделению, соединиться с ним еще теснее. Такая опосредствованная связь характерна для всякого человеческого познания, так же как для всей человеческой деятельности» [6].

Человек строит картину реальности на основе собственного культурного опыта. Формами этого опыта выступает язык, миф, искусство, литература, религия, наука, философия. Однако, утверждение сциентистских идей в современной мыслительной культуре способствовало распространению идеи о том, что только наука способна познать мир и в этом смысле она выступает эталоном знания вообще, а научность – синонимом рациональности, условием истинности. В рамках данного подхода миф мыслился как нечто, не имеющее отношения к познанию как таковому, как иррациональный по природе феномен, который представляет собой производство социально значимого и в этом смысле полезного вымысла. Подобная сама по себе трактовка выглядит не научной.

С точки зрения Эрнста Кассирера, отличие мифа от науки заключается в том, что первый опирается на эмоциональное восприятие, а вторая – на предметное. «Примат эмоционального восприятия над предметным (Dingwahrnehmung) – вот что отличает мифологическое мировоззрение. Для него еще нет определенного и отдельного "мира вещей", потому что ему не хватает тех постоянных единиц, чье обретение является первой целью теоретического познания. Каждый образ может превратиться в какой-либо другой, все может произойти из всего. Каждую минуту образ вещи грозит утечь сквозь пальцы, поскольку он не образован из прочных "свойств". "Свойства" и "структуры" суть моменты, которым нас учит только опытное наблюдение, поскольку оно все время находит одни и те же тенденции или обстоятельства в повторяющихся и продолжающихся длительное время явлениях жизни. Такие однородность и сходство по форме чужды мифу. Для мифа каждый момент мира может обернуться другим лицом, поскольку именно аффект определяет это лицо. В любви и ненависти, в надежде и страхе, в радости и ужасе меняются черты действительности. Каждое такое волнение производит свой мифологический образ...» [7].

Миф – это «тренировка», первичный опыт мышления человечества. Обобщение, сведение к единству, попытка выстроить единую, целостную картину

изначально фрагментированного мира – разве это не знакомые нам [прото]логические операции? По Э. Кассиреру, признаки предметов, по которым мы их объединяем в классы при проведении простой логической процедуры образования понятий, даны первично в языке и через него. Язык – основа логического абстрагирования. С нашей точки зрения, аналогично дело обстоит и с мифом. В мифе также имеют место логические операции – например, понятийный синтез. Способ образования мифологических и языковых понятий един. Кассирер называет мифологический синтез интуитивным понятийным синтезом, противопоставляя его рационалистическому, характерному для теоретического мыслительного опыта [8]. Таким образом, мы можем утверждать, что миф – основа мышления как такового. Именно в мифе можно наблюдать первые попытки обобщения различных характеристик реальности с целью создания её целостной картины. Он не был нерациональным, а являлся и выступает основой рационального как такового.

Что представляет собой рациональность в общем виде? Это характеристика человеческой деятельности с точки зрения её эффективности, упорядоченности, логичности и проч. В этом отношении можно ли помыслить миф как стихийный конгломерат предрассудков и aberrаций? Вряд ли, так как миф – это исторически первая систематическая форма мировоззренческого сознания, которая имела два уровня – эмоциональный и концептуальный. Можно сказать, что миф – порождение одной из двух важнейших сфер сознания – ценностной. Символический язык мифа, его эмоциональность, поэтичность и «оборотническая логика» – связующие элементы между самим мифом и логосом. Рациональность – довольно неудачная, в силу её ограниченности, характеристика для обозначения универсальности познавательного и в целом – культурного опыта человечества. Греческая преднаука и философия насквозь «пропитаны» символами и мифами (учения Парменида, Пифагора, Платона, Демокрита и др.), «следы» мифов можно найти в любой научной теории и философской концепции (механика Ньютона, интуитивизм, общая теория относительности, основания математики проч.). К примеру, в концепции Эйнштейна-Минковского использована мифологизация в определении времени как атрибута материи. Идея о четырехмерном пространстве-времени, как о реально существующей форме материального континуума является концептуальной основой современного естествознания. Как пишет В.И. Астафуров, данная космологическая модель рассматривает физическую реальность как пространственно-темпоральную непрерывность, топология и связность которой прописывается на языке аксиом, а гравитационные эффекты объясняются самой геометрией пространства-времени. Однако время нельзя рассматривать само по себе, в отрыве от движения. Темпоральность отражает волновую природу материального движения. Таким образом, время это – внешняя характеристика движения, а не атрибут материи, тем более – фундаментальное свойство или форма существования последней. «Вследствие этого, объединение пространства и времени в единую конструкцию, претендующую на отображение природы материального континуума, неправомерно как с логической, так и с физической точки зрения» [2, с. 269].

Как пишет современный исследователь рациональности Н.С. Автономова, мифологическое сознание – достояние людей всех эпох. Однако, невозможно не заметить главной трансформации, которую претерпевает современное мифологическое сознание, которое перестало быть формой преодоления незнания

(антропологический логос против вселенского хаоса), и стало способом безболезненного погружения в незнание [1]. Если говорить о науке, то она, начиная с момента своего зарождения в недрах европейской цивилизации, считалась ведущим инструментом познания мира, а сегодня, учитывая степень мифологизации в научной картине мира, можно утверждать, что наука в гносеологическом плане сопоставима с мифом.

Выводы

Миф является продуктом коммуникативного синтеза. Генезис и динамика мифа – это сложный, исторически и лингвистически обусловленный, социокультурно конституируемый процесс. Миф как универсальный познавательный инструмент раскрывает нам многообразие мира в его полноте и целостности. На подобное моделирование реальности не способна ни одна познавательная практика: религия замкнута на веру, наука – на рациональность, философия – на разум. Познавательный потенциал мифа шире и глубже, потому, что он принципиально открыт, не замкнут. Миф буквально пронизывает культуру. Миф – сквозная универсалия культуры. По словам А.В. Ставицкого, миф – это реальность, отражённая сознанием в образно-символической форме, которая «имеет свою «истинность» и обладает огромным суггестивным влиянием, делающим миф неустранимым из общества в принципе, когда утрата смысла лишает права на жизнь» [3, с. 21–22].

Научному познанию свойственны рациональная обоснованность (логическая, эмпирическая, конвенциональная), частичность и неуниверсальность. Однако, это не мешает науке пытаться создать в своём познавательном опыте целостную картину реальности, которая, по сути, является мифологичной, потому что наука как таковая не способна смоделировать мир как целое, универсум. Такие возможности есть только у философии и мифа. Первая создаёт рефлексивную модель универсума, а второй – образно-символическую.

Таким образом, утверждать, что понятийное мышление имеет гносеологическое или любое другое превосходство над образным, характерным для мифологического – значить не знать природы мышления и познания как таковых. Сциентистские попытки создать пропасть между мифом и наукой тщетны. Отвергая миф, наука строит собственную мифологию (проект Просвещения – самый яркий тому пример).

Рассмотрение процесса познания в контексте современных методологических трансформаций – т.е. не только как процесса отражения объективной реальности в сознании, но и в качестве специфической деятельности, а также как обоснования, исследования, интерпретации, актуализирует проблему философского изучения диалога науки и мифа, которые представляют собой не две отличные фазы в развитии познавательной способности человека, а являют, по мнению известного антрополога А.М. Лобока, «два мира, две онтологии» [11, с. 672], и, с одной стороны, «существуют относительно независимо друг от друга и по-разному влияют на наше мировосприятие» [11, с. 672], а с другой – взаимосвязаны на уровне оснований самого познания и мышления – фундаментальных мировоззренческих структур, где сливаются гносеологический (знания и убеждения), аксиологический (ценности и нормы), эмоциональный (чувства и переживания) и праксиологический (воля и поступки) компоненты.

В этом смысле наука и миф – взаимосвязанные когнитивные системы, каждая из которых обладает своей рациональностью, имеет собственные

познавательные инструменты (для науки рациональность – это истинность и доказательность, главный инструмент – понятийное мышление; для мифа рациональность – это культурная значимость и полезность, а основной инструмент – образно-символическое мышление).

Современная методологическая мысль должна учитывать трансформации классического гносеологического субъекта в постнеклассическом дискурсе, который утверждает необходимость применять в познавательной деятельности не только устоявшиеся научные методы, принципы и представления, но и вненаучные познавательные формы, главной из которых, – фундаментальной, – выступает миф. В этой связи проблема соотношения мифа и науки как когнитивных систем представляется весьма актуальной.

Литература

1. Автономова Н.С. Миф: Хаос и Логос. [Электронный ресурс]. URL: https://scepsis.net/library/id_165.html (дата обращения 07.05.21).
2. Астафуров В.И. Научные мифы XX века: «Четырехмерное пространство-время» // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 367–369.
3. Введение // Миф в истории, политике, культуре [Электронный ресурс]: Сборник материалов I Международной научной междисциплинарной заочной конференции (ноябрь 2017 года, г. Севастополь) / Под редакцией О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева. Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2018. С. 20–28.
4. Георгий Гачев. Национальные образы мира. Лекция. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (дата обращения 30.04.21).
5. Гусев С.С. Наука и метафора. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 150 с.
6. Кассирер Э. Логика наук о культуре. Москва. 1998. Часть 1. Очерк первый. Предмет наук о культуре. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000752/st000.shtml> (дата обращения 07.05.21).
7. Кассирер Э. Логика наук о культуре. Москва. 1998. Часть 2. Очерк второй. Предметное восприятие и эмоциональное восприятие. [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000752/st001.shtml> (дата обращения 07.05.21).
8. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. 280 с.
9. Лазарев Ф.В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 456 с.
10. Леви-Строс К. Структурная антропология. Москва, 1985. 536 с.
11. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. 688 с.

12. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Москва: Правда, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/losew03/txt01.htm> (дата обращения 30.04.21)
13. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 282 с.
14. Gabrielian O.A. Mythopoetics of the Culture: the Research Methodology Issue // ASTRA Salvensis, Supplement no. 1, 2020. P. 549–559.

References

1. Avtonomova N.S. Mif: Haos i Logos. [Myth: Chaos and Logos]. URL: https://scepis.net/library/id_165.html (Date of the application: 07.05.21).
2. Astafurov V.I. Nauchnye mify HH veka: «Chetyrehmernoe prostranstvo-vremja» [Scientific Myths of the Twentieth Century: "Four-dimensional Space-time"] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Elektronnyj resurs]: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj zaochnoj konferencii (nojabr' 2017 goda, g. Sevastopol') [Myth in History, Politics, Culture] [Electronic resource]: Collection of Materials of the I International scientific interdisciplinary correspondence Conference (November 2017, Sevastopol) / Pod redakciej O.A. Gabrieljana, A.V. Stavickogo, V.V. Hapaeva. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol, 2018. 592 p.
3. Vvedenie [Introduction] // Mif v istorii, politike, kul'ture [Elektronnyj resurs]: Sbornik materialov I Mezhdunarodnoj nauchnoj mezhdisciplinarnoj zaochnoj konferencii (nojabr' 2017 goda, g. Sevastopol') [Myth in History, Politics, Culture]: Collection of materials of the I International scientific interdisciplinary correspondence conference (November 2017, Sevastopol) / Pod redakciej O.A. Gabrieljana, A.V. Stavickogo, V.V. Hapaeva. Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Sevastopol, 2018. 592 p.
4. Georgij Gachev. Nacional'nye obrazy mira. Lekcija [National Images of the World. Lecture]. URL: <https://polit.ru/article/2007/05/24/kulturosob/> (Date of the application: 30.04.21).
5. Gusev S.S. Nauka i metafora. [Science and Metaphor]. L.: Leningrad University Publishing House, 1984. 150 p.
6. Kassirer Je. Logika nauk o kul'ture [The Logic of the Cultural Sciences]. Moscow. 1998. Moscow. 1998. Chast' 1. Oчерk pervyj. Predmet nauk o kul'ture. [Part 1. Essay One. The Subject of Cultural Sciences]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000752/st000.shtml> (Date of the application 07.05.21).
7. Kassirer Je. Logika nauk o kul'ture [The Logic of the Cultural Sciences]. Moscow. 1998. Moscow. 1998. Chast' 2. Oчерk vtoroj. Predmetnoe vosprijatie i jemocional'noe vosprijatie. [Part 2. Essay Two. Object Perception and Emotional Perception]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000752/st001.shtml> (Date of the application 07.05.21).

8. Kassirer Je. Filosofija simvolicheskikh form [Philosophy of Symbolic Forms]. Tom 2. Mifologicheskoe myshlenie. Volume 2. [Mythological Thinking]. Moscow; S-Peterburg: University book, 2002. 280 p.
9. Lazarev F.V. Istina i struktura real'nosti. Osnovy interval'noj metodologii [Truth and Structure of Reality. Basics of Interval Methodology]. Simferopol: IT "ARIAL", 2019. 456 p.
10. Levi-Stross K. Strukturnaja antropologija [Structural Anthropology]. Moscow, 1985. 536 p.
11. Lobok A.M. Antropologija mifa [Anthropology of Myth]. Yekaterinburg, 1997. 688 p.
12. Losev A.F. Dialektika mifa [Dialectics of Myth]. Moscow: Pravda, 1990. URL: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/losev03/txt01.htm>. (Date of the application 30.04.21)
13. Mishankina N.A. Metafora v nauke: paradoks ili norma? [Metaphor in Science: Paradox or Norm?] Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2010. 282 p.
14. Gabrielian O.A. Mythopoetics of the Culture: the Research Methodology Issue // ASTRA Salvensis, Supplement no. 1, 2020. P. 549–559.

Сведения об авторе:

Ильянович Екатерина Борисовна

доцент кафедры философии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», кандидат философских наук, доцент (г. Симферополь, Республика Крым, Россия).

E-mail: femwolf@mail.ru

Bionotes:

Ilyanovich Ekaterina Borisovna

Associate Professor, Department of Philosophy of Vernadsky Crimean Federal University, Candidate of Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Russia).

Для цитирования:

Ильянович Е.Б. Миф и наука как когнитивные системы: современные отношения // Мифологос. Серия «Философия мифа: онтология, аксиология, методология». №1. 2022. С. 89–100.

For citation:

Ilyanovich E.B. Myth and Science as cognitive systems: modern relations // Mythologos. Philosophy of Myth: Ontology, Axiology, Methodology. no 1. 2022. pp. 89–100.